

Елена Моргун

Анна

М79

Моргун Елена **Анна**: роман. – М.: Буквика. – 256 с.

Она с детства догадывалась, что не такая, как все. Но ей и в голову не могло прийти, какие силы подчиняются ей. А ты уверен, что знаешь о себе все?

Вместе с Анной читатель пройдет долгий путь борьбы и побед, загадок и открытий, путь людей и путь магов, и из мира привычного попадет в Мир настоящий – где все не так просто, как казалось в начале. Все еще проще. Метаморфозы начинаются здесь.

ISBN 978-5-519-64596-6

Повесть первая

Приручение дракона

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Так повелось с давних пор, даже упрямая память скал уже не расскажет о тех временах. Когда по холодному шелку ночи растекается золотистый предрасветный нектар, когда тени прячутся в узкие переулочки, первые нити солнца начинают ткать полотно желтого неба. Краски сначала робко, потом смелее разбегаются по холмам. Мир делает долгий вдох, вбирая прохладу и свежесть этого раннего часа, замирает еще на миг и радостно выдыхает: утро!

Один рассвет был особенным. Не потому, что он отличался от прочих, а потому что он был первым. В свой первый рассвет Мир был сильно удивлен. Мир любовался и изучал себя: травинка за травинкой, камешек за камешком. Примерно к полудню Мир понял – он прекрасен. И в Мире появилась любовь. Искреннее, радостное и безмятежное чувство. Мир любил себя. И все реки и горы, все леса и пустыни, все живое и застывшее любило себя. В этом не было тайны, магии или откровения. Это было просто – счастье...

– ...другие детки, другие сказки, – вздохнула задумчиво мама и положила между страниц открытку, где сквозь коридор пушистых заснеженных елей виднелся ажурный домик, весь в рождественских огоньках.

На небе мерцала яркая звезда. Снег падал на подоконник большими ласковыми хлопьями. Комната едва заметно колыхалась, плавно перетекала из оранжевого света ночника, сквозь мягкий сумрак, в сиреневые блики ночного окна. Красивая резная кровать дарила едва различимый запах сосны, вплетающийся золотистой ленточкой в очарование зимней ночи.

Под тенью нежных детских ресниц копошился сон. Голос мамы становился все дальше, а сказка продолжалась сама по себе, без слов и пауз, сказка как сказка. Она катилась по незримым рельсам сквозь оранжевое и сиреневое, к далеким, одному Богу ведомым берегам. Как жизнь. Как мир. Как любовь.

Это была последняя страница из книги сказок, которую мама прочитала Анне, да и саму книгу никто больше не видел. В ту безмятежную ночь в зеленом старом доме по улице Рязанской случился пожар.

Говорят, загорелась проводка. Огонь подкрался к спящим людям и хищно набросился на здание, манящее старым деревом лестниц и потрескавшимся маслом картин на стенах. Он слизывал шторы и обои, мебель и человеческую плоть. В считанные минуты пожар охватил весь дом на четыре квартиры. Люди не успели отпереть решетки на окнах. Они бы не успели даже найти ключи. Они просыпались, чтобы умереть. Один за другим. Отчаянно втягивали горький ядовитый воздух, чтобы позвать на помощь, чтобы побороть ужас, чтобы очнуться от кошмарного сна – но вместо крика из легких вырывался хрип. Один за другим, жильцы дома захлебывались последними глотками своих жизней, тонучи в пылающем доме.

Соседи увидели пожар, когда было слишком поздно. Приехавшая с ревом пожарная команда залила насытившийся огонь. Уже светало, когда смогли обыскать развалины. Здесь даже мародерам было бы нечем поживиться. Во всех квартирах по очереди находили жильцов, в основном, в своих постелях. Даже нелепо обгоревших, их узнавали соседи по улочке.

Вот в специальную «Скорую» несут прикрытую простыней старушку из квартиры № 1. Она прошла войну и послевоенные годы. Она вырастила сына, похоронила мужа. Ее внуки уехали в Москву лет пять назад, и каждое письмо было для старушки праздником. Все стены ее скромной обставленной квартирki были увешаны фотографиями род-

ных. Последние пару месяцев она болела. Это не была простуда или давление, нет, бабушка была крепче многих молодых. Просто она то-сковала, одна.

А это пара из квартиры № 2. Им около сорока, детей у них не было, даже приемных. Они работали дни напролет, а по ночам у них часто за-сигивались гости, и играла ненавязчивая музыка. Хотя и Женя, и Ан-тон были милы и общительны, соседи немного их сторонились. Может, просто люди другого круга. Они и переехали-то сюда позже других.

В третьей квартире жили Мария и Олег, их дочь благополучно по-ступила в институт в Питере, на третьем курсе вышла замуж. Радо-ваться бы и гордиться. Но Мария и Олег часто стали ссориться после ее отъезда. Катя не приезжала теперь даже на каникулы. Ходили слухи, что у нее должен родиться ребенок. Мария неохотно говорила о своей дочери, словно стеснялась. Тем больше складывалось домыслов.

Квартира № 4. Когда тела стали выносить оттуда, сердце замерло даже у жадных до сплетен старух, которые дни напролет плевались семечками, сидя на скамейке, и доживали свой век, то и дело примеряя шкуры окружающих. К обитателям четвертой квартиры у окружаю-щих было особое, трепетное отношение. Галя, врач, не раз приходила на помощь соседям. Она была образованна, умна, немного замкнута, хотя это сходило за скромность. Галя была потрясающе красива. Тон-кие черты лица, темные слегка вьющиеся волосы – таких женщин ри-суют в книгах сказок как принцесс или фей. Игорь, ее муж, был от-ставным военным и теперь имел свое дело. Его мастерская выпускала эксклюзивную мебель и предметы интерьера. Резные стулья и изящ-ные зеркала, напольные лампы и роскошные кровати – у него был ве-ликолепный вкус и золотые руки.

И дочь, у них была маленькая дочь, четырехлетняя Анна.

Зеваки приготовили свои сердца для десерта на пиру огорчения. Старухи схватились за носовые платки, не отрывали взгляд от парад-ной – точнее, того места в руинах, где когда-то был парадный вход в красивый старый дом по улице Рязанской. Они знали, что больше в доме не было никого, даже кошки. Все ждали маленького обгоревшего тела Анны, чтобы разразиться воем погромче пожарной сирены, вы-пустить последние слезы и отправиться на скамейку дожидывать ощу-щения.

Высокий пожарный в запачканном костюме шел из угольной темноты торопливо, нес на руках ребенка. Но Анна не лежала безжизненно. Пожарный растерянно улыбался. Девочка была жива, совершенно невинна – только сильно промокла и дрожала на январском ветру.

– Одеяло! Дайте одеяло! – крикнула врач из «Скорой» и схватила маленькое чудо в теплые руки. – Слава Богу, хоть кто-то... – шептала женщина.

Анна не плакала и, казалось, не была даже напугана. Она очень внимательно осмотрела то, что осталось от ее дома, скользнула взглядом по толпе зевак и молча отвернулась. Девочку укутали и посадили в карету «Скорой помощи». В последний миг, когда уже закрывалась дверь, Анна обернулась на окна второго этажа и почти равнодушно прошептала: «До свидания, мама».

На город между тем спустился туман, дурманивший запах смерти расплылся по подворотням. Пожарный, сам до конца не понимающий произошедшее, словно сквозь сон, сбивчиво отвечал на вопросы обступившей толпы – он был нелепо счастлив.

2.

– Аня и не вспоминает никогда родителей. Спрашивала раньше, правда ли то, что она помнит про пожар. Года четыре уже не вспоминает. У нас ведь даже фотографии их не осталось, а Аня так похожа на Галю, – болью в голосе говорила Баба Тая, двоюродная бабушка Анны на встрече с психологом.

Ей под опеку отдали Аню после трагедии. Когда в больнице подтвердили, что малышка совершенно здорова, нет даже признаков отравления, решили все-таки поддержать ее в детском отделении еще пару дней. В это время искали родственников. Единственной родней оказалась Таисия Львовна, пятидесяти лет. Аня сразу узнала Бабу Таю, когда та примчалась в больницу после страшных новостей о Гале и Игоре. Аню отправили жить к бабушке.

– Ведь девять лет прошло, а мне кажется, Анечка хоть и молчит, но переживает.

– Анна боится чего-нибудь? Огня, одиночества, темноты? – спросила тучная дама, психолог семейного кризисного центра.

– Нет, одна она любит оставаться, в темноте как кошка ходит. Иногда ночью даже вот встанет и через всю квартиру может пройти,

не включив свет. Я так не могу, а она может. Огня не похоже чтобы боялась, хотя вот спички не любит. Говорит, что запах серы похож на горелые волосы.

Таисия была внимательной, благоразумной бабушкой для Ани. Она поддерживала ее, но не навязывала лишних разговоров. Девочка росла аккуратной, вежливой, хорошо училась и никому не доставляла проблем.

– А скажите, Таисия Львовна, как у Анны складываются отношения со сверстниками? – тучная дама почти не смотрела на Таисию, быстро заполняя карту на новую семью.

– Вот сложно сказать, – Баба Тая наклонила голову и потерла пальцами левый висок. – Люди к Анечке тянутся. Всегда так было. Разные – и сверстники, и дети, и взрослые. Она умненькая, сдержанная, внимательная. В детстве даже вот такие случаи были, к примеру. Приходим мы на площадку гулять. Там ребята дерутся из-за чего-то. Она к ним поближе сядет и раскрашивает картинки, и поглядывает украдкой. Драчуны посмотрят внимательно, о споре забудут тотчас. Подойдут и следят, как она рисует. Вокруг нее все всегда собираются. А вот сама Аня холодно к людям относится. Вежливо, но холодно. Я вижу, что о ней одноклассники заботятся, и учителя. Только приболеет, день в школу не придет – звонят обязательно, интересуются. А ее спрошу, с кем мол в классе дружишь, к кому на день рождения пойдешь, так она отвечает, что ни с кем не дружит.

– Это и есть основная проблема, которая привела вас в семейный центр? – уточнила тучная дама.

– Ну, мне это кажется странным, но это не главное.

– А что вас больше всего беспокоило?

– Вот, – Баба Тая положила на стол плотную кожаную папку с медными уголками и большой клепкой-замочком. – Вот это пугает меня больше всего.

Тиснение, несколько потертое, украшало папку: сплетение из змей и цветов. Причудливый орнамент, которого раньше тучной даме не приходилось видеть, хотя множество символов разных эпох и культур проходило через ее практику работы с подростками. Сколько сейчас идейных течений, группировок и сект. Казалось, в молодежи

концентрируются явные и тайные знания всех времен и народов, и в неумелых руках детей они были опасны. Множество случаев...

Орнамент можно было бы поместить на гербе, хотя узор, пожалуй, слишком сложен и причудлив.

В папке лежала стопка из рисунков Анны. Рисунки мрачные, агрессивные, притом очень реалистичные и едва не профессиональные. Лист за листом перебирала их психолог, каждый раз сталкиваясь при первом взгляде с живым, осязаемым дыханием, исходящим из картин. Или скорее, ей казалось, что сами рисунки затягивают ее в свое пространство.

Коллажи из лиц, сцен, предметов при всем ужасе, запечатленном на них, выглядели потрясающе притягательными, зачаровывали. Дама не могла оторвать глаз от изуродованных тел, разрушенных церквей, зверских лиц и поз. Более того, она поняла, что они ей нравятся. Нравятся до дрожи в коленях. Почти неодолимое, животное чувство охватило даму, она готова была накинуться на любого, кто отнял бы у нее эту папку с рисунками. С каждой секундой чувства, граничащие со страстью, бурлили в ней все сильнее, ей захотелось кричать, рвать на себе одежду, бежать, хохотать и плакать. Дама крепко зажмурилась, словно у нее болели глаза, и сидела так с минуту прежде, чем перевернуть листок; но ее поджидал следующий, и все начиналось снова. Картины девочки были отвратительны и прекрасны одновременно. Пытаясь посмотреть на них холодным профессиональным взглядом, дама понимала, что не сможет. «Трудный день, я уже устала, хватит на сегодня. Этот случай нужно на свежую голову...» – думала психолог, стараясь найти хоть какое-то рациональное оправдание своему состоянию.

Пролистав не больше трети картин, она захлопнула папку. Морок, окутавший ее, отступил. На какое-то мгновение ей показалось, что змеи в орнаменте крепче сплелись с цветами; призрачный шепот прошелеstel по кабинету, соскальзывая по стенам: «Опасно, не выпускай их...».

– Мне нужно видеть саму девочку, – сказала тучная дама внезапно ослабшим голосом, сбросив некоторое оцепенение. – Таисия Львовна, вы сможете убедить ее прийти ко мне?

– Я постараюсь, Людмила Ивановна, – пообещала бабушка, сидевшая все это время, словно восковая фигура, едва склонив в сочувствии голову, а теперь вдруг ожившая. Даже румянец вспыхнул на морщинистых щеках.

Она засобиравалась, ответила еще на пару вопросов о домашнем телефоне и времени, когда Аня дома, согласилась оставить папку. Уже на пороге тесного кабинета, держась за блестящую ручку, она вдруг остановилась.

– Вы тоже это почувствовали, правда? – спросила Баба Тая. – Вам тоже показалось, что картина может ожить?

– Ну о чем вы говорите, – затараторила тучная дама, отвернувшись, вкладывая нанужную полку каталоговую семейную папку. – Мне нужно подробнее изучить картины, Таисия Львовна. В творчестве просматривается реальное психологическое состояние человека, понимаете. Судя по вашим описаниям, у Анны есть проблемы. Но, чтобы не делать поспешных выводов и грамотно помочь девочке, мне нужно увидеться и поговорить с ней.

– Да, я понимаю, – задумчиво протянула Баба Тая.

– Обещайте мне, что если не сможете уговорить Анну, все равно позвоните мне. Мы что-нибудь придумаем.

– Обещаю, – резко развернулась бабушка. – До свидания.

Людмила Ивановна осталась одна в кабинете. На столе лежала папка. Нет, она не сможет ее открыть, не сейчас. Возможно, не раньше встречи с Анной. Тучной даме не очень-то хотелось браться за это дело, она могла бы передать девочку другому специалисту, например, под предлогом прописки не в подопечном Людмиле Ивановне районе. Но она и не могла отказаться теперь. Ей нужно было понять секрет этой папки, которая лежала у нее на столе, украшенная орнаментом из змей и цветов, прочно закрытая медным замочком.

Людмила Ивановна налила себе чашку жасминового чая и набрала номер телефона.

– Алло, Александр Валентинович? Здравствуйте, Казанченко Людмила, семейный кризисный центр. Мне нужна ваша помощь. Да. Анна Нежина, 13 лет, учится у вас в школе. Обращали внимание? Бабушка пришла к нам. Да, спасибо. Буду ждать звонка в пятницу.

Анна знала, что Баба Тая хочет о чем-то поговорить с ней. Она, конечно, заметила, что пропала папка с рисунками. И слишком откровенно за ней наблюдали сегодня школьные ‘психи’. Анна знала, что ею заинтересовались. Но ее саму мало это волновало. После школы она не пошла сразу домой, а села в пустой пригородный автобус и поехала на курган.

Девочка любила это место. Здесь всегда дул ветер, даже в самые тихие дни. Отсюда открывался вид на город, не очень-то красивый, но само ощущение огромного пространства, лежащего на ладони, захватывало дух. Сегодня моросил мелкий октябрьский дождик, по небу мчались с невероятной скоростью тяжелые свинцовые тучи, и только изредка проскальзывали неуместные ясно-голубые клочки неба, чтобы сразу же скрыться снова. Отжившая трава и опавшие листья намокли и испаряли приятный запах. Аня села на блестящие камни, взяла в горсть пучок сырой травы и прижала к лицу, вдыхая осень. Облака неслись и неслись мимо. Внизу копошились машины. Впереди лежала широкая река, покрытая шершавой серой рябью. Здесь Анна чувствовала себя в безопасности. Курган казался живым, и иногда детское воображение создавало глубокий низкий голос, отвечающий на мучившие вопросы, от этого Анне становилось спокойно. Здесь приходили мысли, не мельтешили люди.

Зачем они все время суетятся около нее? Зачем изображают заботу и любовь? Ведь это не может быть правдой, Анна ничего им не сделала хорошего. Она не заслужила ни заботы, ни любви. Она то и дело обирает их, мучает, а они даже не видят, кажется. За что ее опекать и от чего оберегать? Ей противны толпы сочувствующих. Может, они считают ее ущербной? Может, она что-то не замечает в своей внешности или интеллекте? Может, она на самом деле калека, но природа отняла у нее способность это понимать? Кого она видит, когда смотрит в зеркало? Может, она другая, не такая, как все люди?

Скалы не умеют лгать и притворяться. Они не суетятся вокруг нее. Мир спокоен, и она может размышлять о своей природе и предназначении. Зимой здесь глубокий нетронутый снег, ослепляющий в ясную погоду, какого не найти в городе. Весной камни рождаются из-под снега, пробиваются первые травинки, самые смелые и яркие. Летом дурманят цветения, ими можно надышаться до головокружения, и уснуть здесь же, и проснуться с тяжестью в затылке через пару часов. Осенью линии и цвета становятся тоньше. Дождь смывает усталость с камня. Ветер уносит тревоги.

Анна открыла для себя курган пару лет назад. С тех пор она приезжала сюда временами, когда среди людей ей становилось особенно грустно. Она не ненавидела людей, нет. И не любила. Анна понимала, что ее равноду-